

Николай Карпин

НОЙ ДАД - КОЛДУН ИЗ ПОРОЗЕРА

Николай Карпин
Нойда-колдун из Порозера

«Издательские решения»

Карпин Н.

Нойда-колдун из Порозера / Н. Карпин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963287-6

В повести «Нойда-колдун из Порозера» от слез женщины расцветают камни, а тоска по родине возвращает нас в далекое детство.

ISBN 978-5-44-963287-6

© Карпин Н.
© Издательские решения

Содержание

Случайная встреча – самая неслучайная вещь на свете	6
«ДНЕВНИК МИРОСЛАВА»	10
«НОЙДА»3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Нойда-колдун из Порозера

Николай Карпин

*Эту повесть я посвящаю внукам Ярославу, Сергею,
и внученьке Майе*

*Не смотри в прошлое с тоской.
Оно не вернётся. Мудро распорядись настоящим.
Оно твоё. Иди вперед навстречу туманному
будущему без страха и с мужественным сердцем.
Генри Лонгфелло*

*Редактор Елена Бермус
Иллюстратор Анита Ойкимус*

© Николай Карпин, 2019
© Анита Ойкимус, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-3287-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Случайная встреча – самая неслучайная вещь на свете

Родители дали мне имя Валериан. От них я унаследовал фамилию Моисеев. Дружки детства затейливое имя упростили до Валерки, а фамилию превратили в кличку «Моисей». Я слабо протестовал против первого, ну и против второго тоже. А со временем в своём прозвище даже нашёл много лестного для себя, ведь Богу подобный Моисей сорок лет терпел лишения, совершая подвиги. И не ради себя – он искал для своего народа землю, на которой бы им всем жилось безопасно, сытно, привольно. Моя же цель была гораздо скромнее. Я долго подыскивал благодатное место для своей семьи. Ради этого перемещался по стране, подвергался опасностям.

А однажды мне приснился сон, будто в моей обители раздался стук. Словно из глубин прошлого донёсся он до меня. Точно с таким же стуком много лет тому назад к нам в дом ворвались люди. Помню отчаянный крик моей мужественной мамы-фронтовика, отворившей дверь. Меня словно электрическим разрядом пробило. Только что-то из ряда вон выходящее могло вызвать у неё такую реакцию. Выскочив из своей спальни в сумрачный коридор, я увидел людей в чёрном. Двое уже стояли в дверном проёме. Их лица были просто ужасны. Остальные – их оказалось трудно разглядеть и сосчитать в темноте – толпились позади. Мелькнула мысль: «Грабители!» Я, неплохой тогда спортсмен, понял, что счёт идёт даже не на секунды, а на их доли. В голове мгновенно выстроился план. Я ринулся на пришельцев с животным криком, но в самый последний момент сумел разглядеть перед собой долговязого подростка в зимней шапке-ушанке. Его перекошенное страхом лицо было дурашливо вымазано сажей или чёрной краской. Напарник в маске с наклеенными усами над зверски ощерившимся ртом и бородкой трусливо спрятался за его спину. За порогом в овчинных шубках, вывернутых мехом наружу стояли девочки-школьницы. Увидев меня, они чуть не заплакали от страха. Так неудачно ряженные школьники пришли к нам на рождественские колядки...

Тот давний фарс оказался комичной новогодней явью, а этот стук мне слышался во сне. Снилось, что я без страха отворил дверь. Убеждение в образе благочестивой женщины стояло на пороге. Родным голосом мамы было сказано мне:

- Ты, победивший Керкиона¹, выполнил свой долг перед семьёй, а значит, перед родиной.
- В чем состоял мой долг? – вопрошал я, немало удивлённый таким визитом.
- Ты выстоял в житейских передрыгах, сохранил и приумножил семью, – ответила гостья.

Проснувшись поутру, поразмыслив, я вскоре устремился к месту рождения, на малую свою родину. Доморощенный «Моисей» снова оказался в Карелии. Что побудило вернуться? Лишения, испытанные на чужбине, были ни при чём. Как ни странно, главной виновницей явилась неистребимая, можно сказать, неизъяснимая любовь – тоска по родным местам, в полной мере прочувствовать которую можно лишь покинув их, причём уехав далеко и надолго. Расстояние и срок многократно усиливают её...

В тот жаркий июньский денёк на рубеже тысячелетий я отмерял шагами длинную петрозаводскую набережную, вглядываясь в каждую деталь её, которая могла бы напомнить о прошлом. А память услужливо подсказывала картины летних дней 1975-го или уже 1980-ть... Впрочем, какая разница?.. Само время оживало в моём воображении.

Мне казалось, будто водная громада вздымается куполом к горизонту, сливается с небом. В ярких лучах полуденного солнца Онежское озеро играло драгоценными сапфирами. Лёгкий

¹ Керкион – силач, заставлявший вступать путников в единоборство с ним.

ветерок-опахало ласкал причудливо изогнутое побережье. К тёмной прохладной воде, словно к матери, послушным ребенком прильнул умытый город. В парке, на улицах, в скверах молодые тополя запускали в пространство белёсый пух. Вездесущий, он взлетал, проникал в открытые окна и форточки квартир самых верхних этажей или, наоборот, опускался на землю. А там, внизу, тёплый ветерок подхватывал их, сбивая пушинки в маленькие сугробики, – как в начале зимы, они хрустят под подошвами туфель, словно настоящий снег на изрядном морозце. Среди скошенной благоухающей зелени газонов, в тёмных разрезах клумб радужными красками распустились бегонии, петунии, флоксы, солнечные бархатцы, высунули забавные мордашки виолы.

И вдруг в моём воображении под жизнерадостные звуки надраенных до блеска труб городского духового оркестра с просторов Онежского озера на проспект Ленина хрупкой улиткой выползла стеклянная будочка. Осторожно, неторопливо продвигалась она по направлению к железнодорожному вокзалу. Но, отчего-то не добравшись, прилепилась бочком-присоской к монолитной стене пединститутской столовой. Будочка была не пуста. В ней – полнотелая ассирийка с добрым лицом. В блёсткой косынке, чёрном рабочем халате восседала она на обшарпанном стуле, обхватив крупными ладонями вёрткий молоточек и дюжую сапожную лапу, шустро постукивала, позвякивала. Эта смуглая пожилая женщина с неугомонным обувным молотком, лёгкие звуки от которого напоминали тиканье то ли часов, то ли маятника, осталась для меня олицетворением вечности бытия.

Если бы в ту далёкую пору свернуть с главной улицы в небольшой дворик, легко можно было обнаружить за шахматными досками сосредоточенных игроков. Их обычно бывало много. На скамейках, за столиками кипели нешуточные страсти. Не отставали от шахматистов любители забить в домино «рыбу».

Память моя бережно сохранила те мозаичные картинки из прошлого. Давно минувшие дни тёплыми камешками, вобравшими полуденный жар того лета, согревают мне душу до сих пор. Я припомнил город своей юности, будто вижу его с высоты многоэтажки. Знакомые тополя теперь повзрослели, как и сам город. Он изменился, разросся новыми кварталами, торгово-развлекательными центрами. Но и потери понёс, конечно. Не стало множества промышленных корпусов, деревянных домишек. Исчезли уличные любители шахмат, домино. Состарились, видно. А новые им на смену не пришли. Затерялся мой символ вечности – стеклянная будочка на проспекте Ленина. Вместе с хозяйкой её поглотило время. Лишь пяточок не выцветшего асфальта ещё долго выдавал то место. И вот я ступил на него, и мне почудился сверху, с небес, задорной апрельской каплей лёгкий стук ассирийкиного молоточка...

Тем летним днём по возвращении в родной северный город я решил пройтись по знакомым с детства местам. Всё-таки есть в городе улочка, оставшаяся почти не тронутой временем. Во дворе одного из её домов ещё сражаются за шахматной доской два старичка. Признаюсь, я случайно наткнулся на них. Привлекла внимание их манера общения между собой. Тот, что был или казался мне значительно старше, называл товарища по игре «дядя Илья». «Дядя» в ответ звал своего визави «Мирославчик». Странно, не правда ли?

Не на шутку раззадоренные игрой старики переговаривались за столиком и совсем не замечали меня:

– А ты не простой! – выговаривал один другому.

– Что, золотой, что ли? – с ухмылкой парировал напарник.

При этом шахматисты азартно двигали костяные фигуры по изрядно потёртым чёрно-белым клеточкам фанерной доски. Странно звучали названия шахматных фигур, будто старики взялись воскресить Эзопов язык.

– Твоему Ногеусу моя Ахма даёт шах, – торжественно заявляет один, передвигая вперёд белого ферзя.

– А мы Эдвином, Эдвином его прикроем... – напористо отвечает другой и, ядовито подхихкивая, выставляет вперёд чёрную ладью.

Играли старики без шахматных часов, но азартно. Доходило до нешуточных споров. Я внимательно присматривался к ним, ждал. Интересно же! Вот-вот смахнут рукой фигуры с доски и в рукопашной сойдутся! Нет, рассмеялись и дальше ведут игру по правилам. По всему чувствовалось, победа над соперником для них не важна – важен процесс игры. Наслаждаются общением, дружеским соперничеством. Одним словом, забавные старики.

Я прохаживался по мощёной дорожке, всякий раз поравнявшись с шахматистами, прислушивался к разговору, но наблюдал за ними на некотором удалении. Боялся нарушить едва уловимую гармонию тех мгновений игры и их взаимоотношений, уподобившись бесцеремонным охотникам за редким фотоснимком.

Спустя некоторое время я вновь заглянул в уже знакомый дворик – теперь за столом было пусто, но, в очередной раз, отмеряя шагами ту самую дорожку, обнаружил в траве возле скамейки пухлую тетрадь – она больше походила на объёмистую папку, раздутую от большого количества вложенных листков между страницами. Надо сказать, я видел её не впервые – старики-шахматисты записывали в неё свои ходы. Но почему она здесь? Забыли?.. Возможно, острый эндшпиль стал причиной тому. Или по рассеянности вместо скамейки они опустили её на землю, после сами поднялись и ушли. Я строил предположения, а набежавший с Онего ветер шелестел тетрадными страницами.

«Что ж, – решил я, подняв находку, – верну при встрече. Заодно представится повод познакомиться». Так подумал я тогда, стряхивая с синей обложки прилипшие комочки земли и совсем не подозревая о том, какую тайну скрывала найденная тетрадь.

На следующий день стариков на месте не оказалось. Не появились они и в последующие дни. Не из любопытства, а лишь с мыслью обнаружить адреса или телефоны, по которым можно было бы разыскать шахматистов, я перелистывал тетрадку, перебирал вложенные листы. Наспех записанные партии, длинные столбики цифр... Я развернул выпавший листок – вроде бы письмо, но без конверта. Ещё один – то ли обрывок дневника, то ли записка, но почерк другого человека. Оказалось, это записи мальчика или юноши, и письма его дяди. Мне стало неловко, что в моих руках чужая переписка. Читать ли дальше? А вдруг между строк найдётся адрес или телефон кого-то из стариков? И я взялся разбирать почерк. Вчитывался и удивление, больше скажу, изумление вызывало прочитанное. Несуразица какая-то! Что ещё за сумбурные обрывки?!

«ДНЕВНИК МИРОСЛАВА»

...так обозвал я начальные страницы этого странного собрания разнородных записей. Первые листы были плотно исписаны с обеих сторон округлым убористым почерком.

«Своего отца я мало помню, – писал Мирослав. – Знаю, что воевал. У него есть медали, орден. У моих дружков родители тоже воевали и имели награды. Тайком от родителей я таскал их во двор и в детский сад, но отец не ругался, даже когда я потерял несколько. Мы с ребятами хвастались друг перед другом, сравнивали, у кого их больше.

Как-то маму положили в больницу, и мы с отцом жили вдвоём. Ночью он пришёл ко мне в комнату и стал будить. Когда я открыл глаза, увидел, что отец сильными руками прижимает к груди двустволку. Мне он протянул кинжал с наборной ручкой. Я видел, как однажды этим кинжалом отец зарезал нашу старую корову Марту, когда та перестала давать молоко. Помню, я крепко-крепко сжал ладонями твёрдую рукоять. В ту минуту кинжал казался мне мечом, которым я буду отсекал головы Змею Горынычу, если он посмеет залететь в мою комнату. Отец тем временем с ружьём обходил тёмные углы нашей квартиры, сквозь чёрные окна высматривая на улице врага. Я не боялся никого, потому что знал: папа защитит меня. На фронте он служил разведчиком. Правда, совсем не рассказывал про войну, а мне так хотелось послушать его!

А ещё мой отец убил медведя. Я тогда был маленьким и не помнил этого. Соседи рассказали. Они восхищались отцом, говорили, что он отличный охотник. Как же я был горд!..

Запомнилось, как папа рассказывал сказки и легенды. Он говорил, что в наших местах давным-давно жили старик со старухой и было у них три дочери, которых они никак не могли выдать замуж. Однажды за дверью своей избушки они услышали карканье, открыли – ворон, обернувшись человеком, сосватал у них одну дочь. Следующим женихом оказался тюлень, последнюю дочь взял в жёны северный олень Мяндаш. Прошло время, старики совсем состарились и стали думать, с кем из дочерей им доживать старость. Когда пришли к первой, то увидели, что она без глаза: муж-ворон выклевал его. Испугались родители, пошли ко второй дочери, жившей с тюленем. У той оказалась отгрызена рука. Лишь дочь, жившая с оленем, была счастлива. Входя каждый раз в избушку, он превращался в человека – ласкового и заботливого мужа. Старики остались жить у Мяндаша. Всё шло хорошо, но однажды жадная старуха-мать возмутилась обычаями, которым следовала её дочь: та каждую ночь выбрасывала оленье шкуры, на которых спали маленькие дети Мяндаша и стелила свежие. Дочь послушала мать и, просушив, постлала детям старую шкуру. Вернувшийся Мяндаш не смог обернуться человеком и ушёл в тундру. С тех пор бродит он между землёй и солнцем, никого к себе не подпуская...

Отец упоминал о сказочной стране Пяйвёля, и после его рассказов мне страстно хотелось попасть туда.

А дальше – это случилось ранней весной – поселковый кузнец дядя Серёжа Крымов на плечах внёс в дом моего сильного, смелого папу и уложил на пол в прихожей. Мама тогда опять болела и лежала в больнице, но уже в петрозаводской. Мне казалось, что папа просто спит. Он лежал распластанный на спине, потом тихонько выдохнул весь воздух и больше не дышал. Собрались соседи. Я спрашивал у них, почему мой папа не дышит.

– У него остановилось сердце, – шёпотом отвечали они.

Я недоумевал: как остановилось? Как сломанный будильник, стоящий на комод?

Дядя Серёжа вывел меня на крыльцо. На улице к тому времени стемнело. Мы стояли и смотрели на яркие звёзды, усыпавшие чёрное небо. Наконец, приехала «скорая помощь» и увезла отца.

– Почему мой папа так быстро умер? – спросил я у дяди Серёжи.

– Фронтовики, воевавшие на передовой, долго не живут, – сурово ответил он.

В это время с неба упала звезда. Дядя Серёжа сказал:

– Закатилась звезда твоего отца.

Меня осенило:

– Значит, если отыскать ту упавшую звезду, папа вернётся домой?

Кузнец обнял меня, рука его была тяжёлой:

– Для этого надо попасть в сказку. Только никто из живых людей не нашёл туда вход.

– А если далеко-далеко пойти, можно отыскать дорогу в сказку? – не сдавался я.

– Сказки выдумали люди, – задумчиво произнёс кузнец.

Мимо крыльца проковылял старик Алуферов. Он будто бы расслышал последние слова дяди Серёжи, потому что презрительно фыркнул носом, и, не проронив и слова, даже не поздоровавшись, исчез в темноте.

Папы не стало, и я вдруг почувствовал, что повзрослел. Мне даже надоело ходить в детский сад, а захотелось учиться в школе. Так что первого сентября я взял дома книгу со звездами и птицами на обложке и направился туда. Школа у нас неподалеку. Знакомые поселковые ребята толпились на дворе. Завидев меня с учебником по зоологии под мышкой, они долго потешались. Потом объяснили, что меня в школу примут только на следующий год, и выпроводили в детский сад.

На другой год я, действительно, стал первоклассником. Учился хорошо, и Анна Ивановна, учительница начальных классов, закрепила за мной Нику – соседку по парте, чтобы я помогал ей решать задачи по арифметике. Мне нравилась Ника, особенно её рыжие косы. Так хотелось подёргать за них, но я побаивался. Смелая и сильная Ника могла сдачи дать. Всё равно я согласился помогать ей. После школьных занятий, приходил к ней домой, и мы вместе решали задачи. Сделав уроки, Ника предлагала играть в дочки-матери, а я – в машинки, но у Ники их не было. Приходилось терпеть. Среди прочих игрушек Ника хранила меховой мешочек, а в нём – что-то. Украдкой от Ники я ощупывал тот таинственный предмет, сквозь толщу шкурки пытался определить, что бы это могло быть, но заглянуть внутрь без разрешения не решался. Однажды под большим секретом Ника развязала мешочек и извлекла из него золотую чашу с загнутым книзу ободком.

– Где ты её взяла? – спросил я.

– — Не знаю, – ответила Ника и больше никогда при мне не доставала тот мешочек.

Зато она любила возиться со своей любимой куклой, у которой были длинные волосы. Пеленала её, укладывала в маленькую кроватку, и кукла закрывала глаза. В ту минуту она казалась мне живой. Шёпотом, чтобы не разбудить куклу-дочку, Ника просила меня принести воды, дров – она собиралась «готовить еду». Я соглашался. Уходил на кухню, топал там ногами, открывал-закрывал дверцу кухонной плиты, понарошку затапливал её. Ника умоляла не шуметь («Разбудишь дочку!»), ставила на крашенный табурет алюминиевые тарелочки, чашечки, и мы «обедали».

Потом я с мамой переехал в соседний поселок, и с конопатой Никой больше не встречался. Из города к нам стал приезжать дядя Илья, мамин родной брат, помогал по хозяйству.

Однажды на летних каникулах я пошёл на рыбалку. Мы, местные, все как один заядлые рыбаки. Удил с моста, что перекинут на песчаный остров. Рыба хорошо клевала, но, как назло, закончились червяки, и я стал цеплять на крючок рыбий глаз. Мы с ребятами часто так делали – окуни неплохо клюют на глаз. Вернувшись с рыбалки, я решил похвастать перед дядей уловом. Гордо выложил пойманных рыбок на траву. Дядя окинул их взглядом и весело рассмеялся.

«И что тут смешного?» – недоумевал я про себя.

– Кто же тебя научил безглазую рыбу ловить? – серьёзно спросил дядя.

Я даже растерялся. Пытался, как мог, объяснить горожанину, что выловленная рыба была с глазами, но дядя не слушал и всё подтрунивал надо мной. В конце концов я не на шутку рассердился.

– Шучу, шучу, – он примирительно похлопал меня по плечу.

Я-то, как никто другой, знал, мой дядя совсем не злой человек. Он, как мой отец, был на фронте, а фронтовики – справедливые люди.

Когда дядя Илья уезжал, мы с ним переписывались. Писать письма я сразу полюбил... А потом и сочинять рассказы. Мне нравилось излагать мысли на бумаге, а потом представлять лицо дяди, читающего мои строки, будто у нас двоих был свой секрет, ведь написать можно то, что непросто сказать вслух.

Одно событие из жизни Мирослава сумбурно сменяло другое. Дальше он в красках расписывал зимние мальчишечьи забавы. И я вдруг увлёкся. Влившись в поток чужой жизни, память окунула меня в далёкие годы моего детства...

Помню, как забросив дома лыжи, мальчишками мы бродили по высокому весеннему насту, словно по земле. Ледяная корка, образовавшаяся от дневного тепла и крепких ночных морозцев, к утру оказывалась настолько прочной, что соседский Стёпка Колтан ранним утром гонял по ней на своём «Ковровце»², и мы, ребятня, завидуя ему, преследовали на велосипедах, рано достанных после карельской зимы.

Ближе к полудню пригретый солнцем наст начинал сдавать под колёсами. Откинув технику, запинаясь ногами и глубоко проваливаясь в снег, мы шагали по белому покрову и, словно подкошенные, падали ничком на веселье остальным.

На снежной пороше, выпавшей поверх толстой ледяной корки, ранним утром мы учились отличать отпечатки звериных лап: выверенные, след в след, волчьи от бестолковых собачьих. Терпеливо распутывали на снегу цепочку аккуратных шажков лисицы, пытаюсь понять, чем она занималась. Вот тут, замечали мы, лиса поймала пленённую ледяной коркой куропатку и распотрошила её. На разыгравшуюся в ночи лесную драму указывала круглая лунка в насте, откуда пыталась вылететь птица, разлетевшиеся вокруг перья, капельки вмёрзшей в снег почти чёрной крови. Мы сами на время делались охотниками, примечая натоптанные звериные тропы, учились ставить петли на зайцев. Путешествуя без лыж по снежным просторам, взбирались на подвернувшуюся крутую сопку, чтобы взглянуть с неё на открывшуюся даль. Я тянулся на цыпочках во весь рост. Хотелось сделаться хоть чуточку выше, чтобы заглянуть ещё дальше. Расплывающийся горизонт манил неизвестностью, обещал приключения, притягивая к себе магнитом. В ту минуту я думал: «Путешественники – самые счастливые на свете люди!»

Наконец, пелена моих воспоминаний отступила, и я вновь стал перелистывать пожелтевшие страницы найденной в траве тетради. Неловкое движение – и у моих ног оказались выпавшие листки. Что это? Похоже на письма. Уже не мучаясь сомнениями, прилично ли читать чужую переписку, я подхватил их и углубился в чтение. Кому они адресованы? В моей голове всплыли лица шахматистов. Кто, кроме них, мог написать письма? Мой взгляд перескакивал с одного листа на другой. Временами мне казалось, что те двое просто дурачились бумаге! Другого слова не подберу. Если мыслить логически, описываемые события, разумеется, не могли

² «Ковровец» – мотоцикл, который выпускали в г. Коврове в 1957—1965 гг.

случиться ни под каким предлогом. Может, на склоне лет эти двое таким образом тешили свою фантазию?

Многие листы из переписки, судя по проставленной на них нумерации, отсутствовали. Я читал страницу за страницей, разбирая словесные нагромождения и винегрет из событий, и незаметно эта фантазмагория поглотила меня. Как любителю всего необычного, мне вдруг вздумалось заполнить пробелы в переписке, подыграть чьему-то дурашливому замыслу. В уме я уже прикидывал, как поступить с тем или иным персонажем.

Вчитываясь в записи, я, сам то не сразу осознав, мысленно проник в некое помещение. Внутренним взором осмотрелся. Комната, хорошо освещённая мягким светом лампы, заключённой в абажур из жёлтой материи с кисточками по краям, показалась мне довольно большой. Слева от входной двери возвышалась почти до потолка выкрашенная серебрянкой круглая печь. За печкой в углу – массивный книжный шкаф. У глухой стены – аккуратно застелённая широкая металлическая кровать с никелированными спинками. Такие теперь не выпускают. Возле широкого сдвоенного окна – диван с четырьмя набивными подушками. Рядом, в углу, почти под потолком, – картина «Охотники на привале». Под нею на тумбочке красуется новенькая радиолка «Балтика». Сумерки за окном, прикрытым занавесками из ажурного тюля, давно превратились в ночную тьму. Промокший, озябший мальчик только что вернулся с улицы. Его тёмно-русые волосы на затылке взъерошены. Должно быть, от шапки. Навозившись с приятелями в снегу, он отогревается, сидя на полу возле печи, сушит на руках свои промокшие чулки, шерстяные носки. Рядом стоят подшитые старенькие валенки. В печи весело потрескивают разгоревшиеся сухие поленья. Из открытой дверки пышет жаром. Согревшись, мальчик усаживается за овальный стол посередине комнаты, берёт ручку и, обмакнув перо в чернильницу, на разлинованном листке бумаги что-то пишет...

Я мысленно заглянул ему через плечо. Это письмо дяде! Мирослав пишет, что говорил со стариком Алуферовым. Я вспомнил, откуда мне знакома эта фамилия – из дневника. Значит, дяде тоже известен Алуферов. Мальчишеская рука неторопливо выводит строчку за строчкой. Теперь понимаю: дядя и старик работали в одной школе учителями. Правда, с тех пор прошло много времени. А нынче Алуферов сильно изменился – его нередко видят в поселке пьяненьким. И тогда он разговаривает сам с собой, бормочет под нос непонятные слова и даже грозит кому-то кулаком. Странное слово вдруг появилось на тетрадном листе. Им называли старика в посёлке. Мирослав написал:

«НОЙДА»³

... В тот зимний вечер ребята играли в снежки, когда Нойда остановился возле них. Старик поравнялся с Мирославом, и мальчик, точно заколдованный, сам подошёл к нему. Алуферов наклонился и зашептал: «Знай, упавшая звезда твоего отца находится в сказочной стране Пяйвёля! Ты хочешь найти её?»

Мальчик недоверчиво глядел на Нойду, и вдруг его пронзила мысль: «Нойда тогда подслушал их разговор с дядей Серёжей на крыльце, когда „скорая“ увозила отца из дома!»

Друзья Мирослава уже прекратили возню, стихли их голоса. Нойда всегда казался им ненормальным, его появление не могло остаться незамеченным. Старик всё не сводил с Мирослава красных слезящихся глаз. Ребяшня издали с опаской разглядывала старика. Мирославу бы тогда уйти следом за друзьями или даже броситься без оглядки наутёк! Где бы старику догнать шустрого паренька! Пусть потом что хочет, то и думает про него: струсил, не струсил. Мирослав же словно прирос к месту и не мог пошевелиться. Мальчик даже боялся взглянуть на старика. Чуть слышно его губы пролепетали:

– Да, я хочу отыскать упавшую звезду моего отца.

Старик удовлетворенно кивнул и стал объяснять свистящим шёпотом:

– Неподалеку от вашего дома есть старое военное кладбище. Ты знаешь, где оно расположено?

– Да, – ответил мальчик.

Кто ж не знал его! Из могил заброшенного кладбища военнотружачие местной погранзаставы извлекли останки бойцов Красной Армии, наскоро похороненных вдоль дороги, и под автоматные очереди, с полагающимися воинскими почестями, перезахоронили в Братскую могилу.

– На том военном кладбище стоит толстая сосна с зарубинами на коре, – продолжал шептать Нойда. – Её легко найти. К ней скворечник приколочен. В ночь на Ивана Купалу ты прижмись спиной плотно-плотно к стволу и скажи: «Матушка-сосна, покажи мне звезду-путеводницу». Повтори, что ты должен сказать, чтобы попасть в страну Пяйвёля! – приказал старик.

Мальчик пролепетал заплетающимся от страха языком:

– Матушка-сосна, покажи мне звезду... – на языке вертелось «счастливую». – Он неуверенно взглянул на Нойду.

– Звезду-пу-те-вод-ни-цу! – прокричал по слогам раздражённый старик.

– Путеводницу... – повторил мальчик дрожащим голосом.

– Ступай домой! Пускай это будет нашей тайной, – скомандовал старик.

Мирослав покорно поплёлся прочь. Друзья догнали его и по дороге выпытывали, о чём вёлся с ним разговор.

Помня уговор, Мирослав опасался раскрыть им слова старика, но решил поделиться с дядей-фронтовиком. В сохранившемся письме он спрашивал, стоит ли верить странному старику. «Я верил в сказки, но это было в детском саду, – писал Мирослав в самом конце. – А когда пошёл в школу, понял: сказки – это выдумки».

³ Нойды – древнелопарские колдуны. Были известны в Лапландии и за её пределами у русских, шведов, норвежцев.

Признаться, я тоже, хоть и с малых лет люблю фантастические истории, особенно им не верю. Всякое в жизни, конечно, случается, порой самое невероятное становится вполне очевидным. Но на этот раз история, прочитанная в письме Мирослава, меня скорее озадачила. Я и верил ему, и не верил. На моё счастье, следом в руки мне попал ответ дяди, который отчасти развеял мои сомнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.